

Ю.Л. Качанов

ДИХОТОМИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ — НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ» И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ

В статье оппозиция «социологический конструктивизм — научный реализм» анализируется как одно из конституирующих социологическую теорию различий. Предлагается реконструкция этой дихотомии, опирающаяся на концепцию двойного — объективного и субъективного — структурирования социальной действительности. В качестве синтеза, разрешающего противоречие «социологического конструктивизма и научного реализма», предлагается концептуальная матрица реляционизма.

Истина отношения состоит <...> в опосредствовании; его сущность — это отрицательное единство <...> Отношение — это противоречие, возвращающееся в свое основание, в единство...

Г.Ф.В. Гегель. «Наука логики»

Конструктивизм и научный реализм — основные направления в трактовке природы социологического знания и его соотношения с социальной действительностью. Они исторически и, в меньшей степени, идейно связаны с номинализмом и (метафизическим) реализмом [1–7] как основными вариантами решения схоластической проблемы универсалий [8–11]. Говоря кратко, социологический конструктивизм генетически объединен с деятельностным подходом [12–19]. Он ограничивает научное исследование исключительно конструктивными объектами, которые являются результатами социальных или научных практик [20–47]. Отсюда, научные понятия во многом могут быть квалифицированы как «конструкты второго порядка», т. е. конструктивные объекты, выработанные социальной наукой из мысленных предметов, построенных в обыденном опыте [48]. Напротив, научный реализм (если не вдаваться в тонкие различия между его течениями) полагает, что, в отличие от обыденного опыта и метафизики, лишь институционализированное исследование выступает верным источником знаний о действительности. В научном исследовании результаты наблюдений, испытаний, экспериментов истолковываются и объясняются посредством предметных теорий, понятия и суждения которых наделяются онтологическим статусом [49–85]. Это означает, что термины научных теорий обозначают существующие в действительности объекты, а теоретические суж-

дения интерпретируются как истинные, ложные или вероятные. Таким образом, социологический конструктивизм и научный реализм предлагают разные трактовки самого термина «существование» (ср. [86]). «Конструктивисты» рассматривают теоретические понятия как формальные искусственные средства. Они могут способствовать решению задач социологической и социальной практик, но существуют лишь постольку, поскольку наличествуют схемы / алгоритмы их производства этими практиками [87]. «Реалисты» же склонны постулировать существование предметов теоретических понятий, абстрагируясь от всего того, чему «социальные факты» обязаны своим существованием в качестве предметов научного познания или социальной действительности [88].

Можем ли мы утверждать, что некие *социальные* сущности предшествуют социологическим построениям? Несомненно, можем, ведь социальная действительность в качестве реальности единичных сущих (*entia realia*) существует до и вне производства социологических знаний. Однако подобное утверждение не есть форма социологического реализма, поскольку *социологические* сущности конструируются в процессе исследования* . Это означает, в том числе, что представление о «свободном творческом» конструировании есть иллюзия. Исследователь переживает социологическое конструирование как целиком необусловленное, поскольку зачастую ему не достает научного языка для артикуляции обусловленностей.

Проблема в том, что само по себе соответствие суждения действительному положению дел может быть случайным. Суждение должно быть не просто адекватным, но и обоснованным. Обоснование социологического знания — смыслообразующее *a priori*, понятое как ансамбль конституирующих схем научного опыта — придает ему необходимость, достоверность и самосогласованность. Социальная наука возникает не из простого описания того, что дано в социальном опыте, но на базе особого социологического опыта, искусственно конструирующего предмет исследования. А это конструирование предполагает использование базовых схем, составляющих «социальную реальность». Обоснованным может считаться лишь то суждение, которое не только максимально соответствует социологическому опыту, но и вписано в систему конституирующих его схем. Понятие «социальная реальность» отражает относительную независимость базовых теоретических положений социальной науки от результатов текущих эмпирических исследований. Будучи совокупностью исходных схем, с помощью которых конституируется социологическая предметность, социальная реальность выражает действительную предпосылочность социологического познания, в каждый конкретный момент обусловленного своим развитием, историей социологических практик, аккумулированной в основных научных схемах. Относительная независимость фундаментальных конструктивных схем социальной науки от актуального социологического опыта находит свое выражение в «социальной реальности», которая выступает в роли прагматического и исторического *a priori* (в духе М. Фуко или К. Хьюбнера). Иными

* «Предметность имеет смысл лишь для производящего суждения субъекта, без которого полное определение того, что имеется в виду под значимостью (*Geltung*), никогда не будет возможным» [89, S. 346].

словами, «социальная реальность» проявляет особый статус исторически изначальных («классика») и наиболее абстрактных положений социологии. Она представляет собой основополагающую очевидность социологии в самом широком смысле. В социологии научным считается лишь то знание, которое вписано в систему схем конституирования социологического опыта, образующих «социальную реальность».

Следует различать реализм относительно социологических предметов, утверждающий, что многие объекты теорий существуют, и реализм относительно теорий, утверждающий, что они «...являются истинными или ложными независимо от того, что мы знаем...» [50, с. 41]. По мере перехода от социальной теории к эксперименту силы социологического номинализма тают. «Прямое» доказательство существования социологических предметов заключается в способности агентов научного производства практически оперировать с ним, измерять его или «...каким-либо образом понимать его причинные силы» [50, с. 281]. Вердикт о реальности какой-либо сущности выносят действия агентов, а не их медитации.

Применение любой социологической теории нуждается в специфическом «аппарате» измерения, исключенном из измеряемой совокупности различий [90]. В границах эпистемологического разрыва между предметом исследования и исследователем комплекс измерительных средств (как ментальных, так и материальных) находится на стороне исследователя. Каждое социологическое различие существует и имеет смысл только в связи с конкретными средствами измерения в конкретной ситуации измерения.

Ближайшим образом, сами понятия «реализм» и «конструктивизм» деформируют наше восприятие исследовательской ситуации в социальной науке, отчасти затрудняют ее понимание, т. е. выступают нерелевантными понятиями. Может показаться странным, однако многие социологические понятия служат тому, чтобы воспроизводить, поддерживать и скрывать наше сущностное непонимание социальной действительности. Дело в том, что наличие необъективированного, нетематизированного — *доксы* как совокупности предпонятий обыденного опыта — представляет собой *condicio sine qua non* социальной действительности. Этот тезис можно обосновать следующим образом. Поскольку относительная устойчивость социальной действительности подразумевает «равновесие» объективных и субъективных структур, т. е. примат воспроизводства практик и практических схем над их производством, постольку она имеет своим условием некое фундаментальное непонимание. Оно представляет собой незнание социальными агентами кардинальных закономерностей этого воспроизводства / производства, ведь в противном случае они могли бы реализовывать наименее вероятные серии событий, что нарушило бы структурное равновесие и разрушило бы самоидентичность действительности.

Таким образом, докса отнюдь не представляет собой всего лишь донанучное осознание социальной действительности: она есть неотъемлемый момент самой этой действительности [91]. Социальная действительность не есть исключительно опыт, но принимает форму опыта. Другими словами, социальная действительность определяет форму любого возможного опыта, включая опыт

мышления. В той мере, в какой социология символически воспроизводит равновесное состояние социальной действительности, она производит доксу, т. е. фундаментальное непонимание.

Социальная действительность обладает статусом видимости именно в силу того, что она выступает как нечто неоспоримо сущее*, избыточное по отношению к нашим концептам. Для того чтобы включить ее в научный оборот, мы должны ее социологически пересоздать, сконструировать на ее основе социальный мир**. Обычно социологи полагают, что социальный мир — это результат социологического производства, который нельзя ошибочно отождествлять с бытийствующими в социальной действительности автономными сущностями. Однако верно и другое: нельзя принимать социальную действительность за дискурсивный продукт — следует различать в том, что мы считаем социологическим конструктом, «твердое ядро» автономной сущности, с которым мы не в состоянии обращаться иначе, как только концептуально оформив его, т. е. «skonструировав». В каждом конкретном случае мы должны стремиться распознать в том, что выглядит как социологический конструкт, момент социальной действительности.

Точнее, следует отказаться от самой идеи, что за обманчивой видимостью доксы и социологическими конструктами скрыта некая «первичная социальная реальность». Последовательное исследование показывает, что социальная действительность, понятая как «вещь сама по себе» (*Ding an sich*), есть фикция, мнимочевидная непосредственная достоверность метафизики. Это метафизическое присутствие обеспечивает непротиворечивость социальной теории, поскольку таким образом дает ей возможность маскировать конституирующее ее противоречие, позволяет избежать логического столкновения взаимоисключающих положений. Вымышленная «первичная социальная реальность», взятая как вещь сама по себе, обосновывает понятийное представление практической оппозиции «социологическое исследование — социальная действительность» в качестве тотальности. Иными словами, недоступная социологическому объяснению вещь сама по себе выступает базовой конструкцией, позволяющей выйти из конститутивного противоречия отношений социального познания. Отсюда следует, что мы должны проводить различие между двумя способами оперирования с одним и тем же сущим социального мира. На уровне изучения условий действительности социологических практик мы интерпретируем его как конструкт, а на уровне безусловном, т. е. собственно в процессе научного действия, обращаемся с ним как с тем, что на самом деле существует.

За покровом мира эмпирических объектов опыта не прячется некая положительная, трансцендентная сущность. Вещь сама по себе есть *primum* некое пус-

* Социальная действительность — реалистически понимаемый неконцептуальный концепт [92].

** «Социальный мир» представляет собой совокупность всех возможных предметов социологического познания, «единство ряда условий явлений» [93, Т. 3, с. 297] во всех рядах причин социальных событий. Формально социальный мир есть ансамбль фактов, а содержательно — совокупность взаимосвязанных социальных явлений [93, Т. 3, с. 331].

тое место структуры, лишенное позитивного содержания. Данная позиция системы отношений заполняется тем или иным содержанием, полученным от вещи-для-нас. Содержание вещи-в-себе и вещи-для-нас оказывается одним и тем же. Вещь становится «самой по себе», просто меняя место в структуре. Вещь сама по себе может быть представлена лишь негативно: как несоответствие мира явлений и вещи самой по себе. Это негативное определение и есть вещь сама по себе, и ее познание возможно лишь как радикальная негативность, как абсолютное различие. Другими словами, вещь сама по себе является не чем иным, как движением рефлексии*. Предмет научного исследования есть объективация вещи-для-нас. Эмпирические объекты опыта (под «опытом» мы подразумеваем все, что случается с агентом) всегда раскрыты навстречу познанию (концепция «*Erschlossenheit*» М. Хайдеггера), для них характерна не-сокрытость (*Un-verborgenheit*). Бытийствование агента — опыт открытости, которая есть условие возможности события социального мира. Правда, разомкнутость сущих социального мира не дается вне сокрытия (*Bergen*), т. е. открытость, прячась за видимостями обыденного опыта, выступает как просвет (*Lichtung*)**. Именно в просвете является («светится») сущность феноменов, которая сама по себе может быть сокрыта. Открытость социального мира есть другое имя его очевидности для исследователя. В свою очередь, очевидность можно представить как совпадение интенции значения («подразумеваемого» значения) с наполнением интенции (наглядным «созерцанием») [96, S. 91–92, 94–95]. Любкой феномен маскирует не некую иную позитивность, а свое положение в ансамбле отношений. Занавес мира явлений, пелена поля репрезентаций скрывает прежде всего то, что скрывать нечего: социальный мир оказывается полностью выражен в многоуровневой системе структур.

Социологическая концептуализация не только не уничтожает фундаментальное непонимание, но и служит одной из его опор. «Так проявляется здесь странный, неожиданный оборот дел человеческих, да и вообще они кажутся парадоксальными, когда их рассматривают в целом» [97, с. 36]. Научное объяснение социального мира не может существовать иначе, как под «твердой оболочкой» [97, с. 37] неких неоспоримых постулатов. Иными словами, социальная наука вольна «свободно» конструировать свои структуры лишь при условии, что она делает это в определенном смысле адекватно, оперируя с «объективно» («интерсубъективно»), «на самом деле» существующими пред-метами.

* «Существующее содержит в самом себе <...> относительность и свою многообразную связь с другими существующими и рефликует в самое себя как основание <...> Вещь в себе <...> показывает нам себя здесь в процессе своего возникновения, а именно как абстрактную рефлексию-в-самое-себя в противоположность рефлексии-в-другое и различным определениям вообще — рефлексию, за которую цепляются как за пустую основу этих определений» [94, с. 288].

** «Бытие сознания» (*Da-sein*) исследователя есть отношение к тому, что бытийствует в мире — онтическая возможность понятия бытия, своеобразный просвет бытия (*die Lichtung des Seins*) [95]. В конечном итоге, исследователь — существо, бытийствующее посреди от-личного от него сущего — не только конструирует, набрасывает социальный мир (*Weltent-wurf*), но и вовлечен в него (*Eingommensein*).

Вывод из этих рассуждений заключается в том, чтобы отвергнуть саму дихотомию «научный реализм — социологический конструктивизм» и признать обе концепции одновременно. Нет смысла выбирать между двумя этими позициями, поскольку каждая из них в отдельности выступает односторонней и неадекватной. Намереваясь предложить ясную теоретическую позицию, мы приходим к пределу социологической аргументации [98; 99, с. 159–169]. Так, утверждается, что «...существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления» [100, с. 181]. В то же самое время «...эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались <...> в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, направленной на трансформацию или сохранение объективных структур» [100, с. 185]. (Конечно, такое противопоставление структур и практик вовсе не означает, что мы придерживаемся модели взаимного конституирования структуры и действия, предложенной Э. Гидденсом [101–104].) Нечто подобное происходит и с конфликтом философских интерпретаций, на котором мы, однако, не можем остановиться подробно (см.: [105–109]). Противоположные дискурсы социологического конструктивизма и научного реализма имеют, тем не менее, общий концептуальный горизонт. В силу этого их можно «синтезировать» в превосходящем их метадискурсе. Кажущаяся простота и ясность дихотомии «научный реализм — социологический конструктивизм» недвусмысленно указывает на ее нерелевантность. Выбор между ними не есть истинный выбор. Действительный выбор подразумевает возможность стать над ложной оппозицией. Для этого следует опосредствовать противоречие «реализм — конструктивизм». Таким опосредствующим моментом выступает, по нашему мнению, реляционизм. Реляционный подход есть выбор «и того и другого», а не «одного из».

Мы — вслед за «критическим реализмом» — принимаем, что объективные (и интересубъективные) структуры являются необходимыми условиями и предпосылками осуществления субъективных практик (включающих восприятия, представления, мышление, коммуникации, действия) и «системно детерминируют» интеракции, непосредственные социальные взаимодействия (см.: [110–114]). Однако для того чтобы субъективные практики реализовывались, объективные социальные структуры должны быть интериоризованы, эффективно усвоены и присвоены. Следующий шаг заключается в релятивизации структур. Это означает их идентификацию не с сущностями, данными в обыденном опыте агентов, а с умопостигаемыми, но от этого не становящимися менее реальными социальными отношениями, несводимыми к интеракциям между акторами или интересубъективным отношениям. При этом все существующее в социальном мире считается некой формой (объективной, субъективной, институциональной, символической...) или состоянием социальных отношений. Для теории отношения выступают «безосновной основой» [115, S. 105] социальной действительности, хотя для своей реализации социальные отношения нуждаются в практиках агентов, а практики — в отношениях. Иначе, социальный мир в определенной мере оказывается производным от ансамбля социальных отношений, его своеобразной проекцией. Социальный мир предстает

как пространство объективированных различий, в первую голову связанных с распределением между агентами определенных социальных отношений.

В основе социального мира лежит не социальное действие, и пространство-время, а более фундаментальная структура, обуславливающая и действие и пространство-время: социальное отношение. Социальное отношение образует сложную гетерогенную структуру, воспроизводящуюся / производящуюся практиками агентов, изменяющую свое состояние в пространстве-времени, испытывающую «фазовые переходы». Ансамбль социальных отношений в процессе своей динамики расщепляется на относительно автономные поля и позиции. Социальный мир — это совокупность состояний ансамбля социальных отношений, наделенная флуктуирующей топологией и образующая сложный набор структур и субструктур, влияющих друг на друга и в ходе самоорганизации складывающихся в самосогласованную систему.

Как возможно раскрыть социологическое конструирование? Было бы контрпродуктивно вводить систему аксиом «конструирования как такового», «конструирования вообще» в качестве нормы, вокруг которой организуются действительные социологические практики. Скорее стоит задать различие между не существующим в действительности «всеобщим», или «идеально-типическим» конструированием, понимаемым как обобщенная субъективная структура, лишенная признаков эмпирических практик, и ансамблем конкретно-исторических практик социологического конструирования.

Например, с точки зрения экспериментальной реализации, любое социологическое различие* есть продукт развертывания порождающего его конструктивного процесса (ср. [117–119]). Применительно к конструированию социологических различий дискурса этот процесс заключается в осуществлении конечного числа практик над конфигурациями элементарных (т. е. далее неразложимых) терминов (понятий искусственного или обыденного языка). Данные практики задаются правилами шагов индуктивного характера: описываются элементарные действия, которые могут быть выполнены на первом шаге конструктивного процесса и, сверх того, указываются действия, могущие быть выполненными на очередном шаге процесса, в зависимости от результатов, полученных на предыдущих шагах. В тех случаях, когда дается «достаточно точное» описание конструктивного процесса, характеристика различия также оказывается «достаточно точной». В качестве конструктивного объекта социологическое различие строится как конструкция из конечного числа исходных «ясно различимых» терминов. Любой дискурс может быть представлен в виде последовательности различий соответствующего типа. Особо отметим, что, хотя социологическое различие представляет собой конструктивный объект (т. е. результат конструктивного процесса), слагающие его элементарные термины (некий «хорошо обозримый» набор) не являются продуктами конструирующей деятельности, но предпосланы ей в качестве интерсубъективных предпосылок и условий.

Базирующееся на представлении о конструктивном процессе понимание суж-

* Постановку проблемы социологического различия и основные определения, относящие к ней, см. в: [116, с. 14–21].

дений о существовании социологических различий, суждений, содержащих «параметры», которые могут принимать разные значения, предполагает их интерпретацию в качестве суждений о существовании конструктивных процессов, преобразующих любое допустимое значение «параметров» в социологическое различие, бытийствование которого утверждается. Во всяком социологическом различии можно вычленить «достаточно явное» построение конструктивного объекта и условия, делающие данное построение возможным (например, тот или иной набор элементарных терминов).

При точном определении конструктивного процесса он может быть задан своей дефиницией, каковая сама выступает конструктивным объектом. Этот конструктивный объект, в свою очередь, может быть описан посредством конфигурации конструктивных объектов, являющихся его элементарными терминами. Так, если в конструктивном процессе используется конечный набор терминов, то его определение может быть записано как их комбинация.

Важную роль в описании социологического различия играет «интуитивно понятная» сложность. Сложность описания различия сложнее (т. е. длиннее), чем само его описание. Сложность описания валидных социологических различий сопоставима с длиной записи определения этих различий. Патологическим следует признать такое социологическое различие, сложность описания которого как минимум на порядок превосходит дефиницию этого различия. Каждое социологическое различие — продукт своего порождающего конструктивного процесса. В принципе, для любой совокупности социологических различий, имеющих конечную сложность, можно построить обобщенный конструктивный процесс, порождающий всех их. Но его сложность будет несоизмеримо больше сложности любого конструктивного процесса, порождающего отдельное социологическое различие. В силу этого нет смысла строить универсальные правила построения социологических различий. Правило не может рассматриваться как данное *a priori*, но должно вырабатываться в соответствии с анализируемым фрагментом дискурса и с допустимым в данном исследовании набором терминов. Патологические социологические различия обладают, по-видимому, следующим свойством: все, что мы с их помощью узнаем, уже содержится в изучаемом дискурсе. Напротив, валидное социологическое различие, будучи по сути своей обобщением, доводит до нашего сведения нечто доселе неизвестное.

Приведенные рассуждения не имеют, быть может, доказательной силы для «формальной логики», поскольку она отрицает противоречие, но они свидетельствуют в пользу принципа реляционизма: у всякого концепта есть конечный предел применимости, и на смену противопоставлению пары понятий идет обнимающее их синтетическое единство. Ясная по видимости альтернатива «научный реализм — социологический конструктивизм» оборачивается тотальной мистификацией. Действительно ли главный выбор социологической теории заключается в следующем: научный реализм или социологический конструктивизм? Ответом на это является утверждение, что сегодня — больше, чем когда-либо — подлинный выбор свращается между объективированным и необъективированным, между социальной наукой как опытом истины и доксой как обыденным опытом.

Предлагаемая нами взамен дихотомии «научный реализм — социологический конструктивизм» «концептуальная матрица» реляционизма изображает социальный мир в виде децентрализованной динамической и многоуровневой структуры множеств, объединяющих свойства предметов научной объективации. В свою очередь, эти множества порождаются ансамблем несводимых различий, представляющих собой опредмеченные социальные отношения.

Сегодняшний интерес социальной науки так или иначе сфокусирован на *различии*, будь то пристальное внимание к фундаментальному эпистемологическому разрыву — *всегда уже* затронутой различием идентичности присутствия предмета социологического исследования, — или социальная критика несамостоятельных единств, среди которых можно особо выделить Общество, Культуру и Сознание. В этой связи следует отметить, что оптика различия органически вырастает из концептуальной матрицы реляционизма.

Литература

1. Armstrong D.M. Universals and scientific realism: Nominalism and realism. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
2. Bambrough R. Universals and family resemblance // Universals and particulars / Ed. by M.J. Loux. Notre Dame, IN; London: Notre Dame University Press, 1976.
3. Carre M.H. Realists and nominalists. 2d ed. Oxford: Oxford University Press, 1961.
4. Goldstein J. Nominalismus und Moderne: Zur Konstitution neuzeitlicher Subjektivitaet bei Hans Blumenberg und Wilhelm von Ockham. Freiburg: Alber Verlag, 1998.
5. Mertz D.W. Moderate realism and its logic. New Haven; London: Yale University Press, 1996.
6. Papineau D. Philosophical naturalism. Oxford: Blackwell, 1993.
7. Veatch H. Realism and nominalism revisited. Milwaukee, WI: Marquette University Press, 1954.
8. Alféri P. Guillaume d'Ockham. Le Singulier. Paris: Les Editions de Minuit, 1989.
9. De Wulf M. An introduction to scholastic philosophy. New York: Dover, 1956.
10. Loux M.J. Metaphysics: A contemporary introduction. London: Routledge, 1998.
11. Meller D.H., Oliver A. Properties. Oxford: Oxford University Press, 1997.
12. Apostel L., Cellérier G., Garcia R. et al. Construction and validation of scientific theories: the approach of genetic epistemology. Geneva: Foundation Archives Jean Piaget, 1980.
13. Cobb P., Perlwitz M., Underwood D. Constructivism and activity theory: A consideration of their similarities and differences as they relate to mathematics education. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1996.
14. Collins H.M. Changing order: Replication and induction in scientific practice. 2d ed. London: Sage, 1992.
15. Collins H., Pinch T. The golem of science. New York: Cambridge University Press, 1993.
16. Kozulin A. The concept of activity in Soviet psychology: Vygotsky, his disciples and critics // American Psychologist. 1986. Vol. 41. № 3.
17. Piaget J. Sociological Studies / Ed. by L. Smith. New York: Routledge, 1995.
18. Roth G. Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen. 4. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1994.
19. Sociology of scientific knowledge / Ed. by H. Collins. Bath: Bath University Press, 1982.
20. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по соци-

ологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

21. Гудмен Н. Способы создания миров / Пер. с англ. А.Л. Никифорова, Е.Е. Ледникова, М.В. Лебедева, Т.А. Дмитриева. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001.

22. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

23. Barnes B., Bloor D., Henry J. Scientific knowledge: A sociological analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

24. Bloor D. Knowledge and social imagery. London: Routledge and Kegan Paul, 1976.

25. Cheek D.W. Thinking constructively about science, technology and social education. Albany, NY: State University of New York Press, 1992.

26. Die Wirklichkeit des Konstruktivismus: zur Auseinandersetzung um ein neues Paradigma / Hrsg. von H.R.Fischer. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme, 1995.

27. Giere R. Explaining science: A cognitive approach. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

28. Gooding D, Pinch T., Schaffer S. The uses of experiment. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

29. Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge. Oxford: Pergamon, 1981.

30. Latour B., Woolgar S. Laboratory life. 2d ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986.

31. Latour B. Science in action. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.

32. Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1992.

33. Luhmann N. Das Erkenntnisprogramm des Konstruktivismus und die unbekannt bleibende Realität // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 5: Konstruktivistische Perspektiven. 2. Aufl. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993.

34. Lynch M, Woolgar S. Representation in scientific practice. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

35. Mapping the dynamics of science and technology / Ed. by M. Callon, J. Law, A. Rip. London: Macmillan, 1986.

36. Pickering A. Constructing quarks: A sociological history of particle physics. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

37. Pinch T., Bijker W. The social construction of facts and artifacts: or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other // The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology / Ed. by W. Bijker, T. Pinch, T. Hughes. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.

38. Rusch G. Erkenntnis, Wissenschaft, Geschichte: von einem konstruktivistischen Standpunkt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987.

39. Rouse J. Engaging science: how to understand its practices philosophically. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996.

40. Schmidt S. Der radikale Konstruktivismus: Ein neues Paradigma im interdisziplinären Diskurs // Der Diskurs des radikalen Konstruktivismus / Hrsg. von S. Schmidt. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996.

41. Science as practice and culture / Ed. by A. Pickering. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

42. Scientific rationality: The sociological turn / Ed. by J. Brown. Dordrecht: Reidel, 1984.

43. Searle J. The construction of social reality. New York: Free Press, 1995.

44. Segal L. The dream of reality. New York; Berlin: Springer Verlag, 2001.

45. Sismondo S. Some social constructions // Social Studies of Science. 1993. Vol. 23.

46. The disunity of science: boundaries, contexts, and power / Ed. by P. Galison, D. Stump. Stanford: Stanford University Press, 1996.

47. Woolgar S. Science: The very idea. London: Routledge, 1988.

48. Schütz A. Common-sense and scientific interpretation of human action // Schütz A. Collected papers. Vol. 1. The problem of social reality / Ed. by M. Natanson. Boston; The Hague: Martinus Nijhoff, 1982.
49. Патнем Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Практикс, 2002.
50. Хакин Я. Представление и вмешательство / Пер. с англ. С. Кузнецова под ред. Е.А. Мамчур. М.: Логос, 1998.
51. Blackburn S. Essays in quasi-realism. Oxford: Oxford University Press, 1993.
52. Cartwright N. How the laws of physics lie. New York: Clarendon Press, 1983.
53. Churchland P.M. Scientific realism and plasticity of mind. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001.
54. Devitt M. Realism and the renegade Putnam // *Nous*. 1983. Vol. 17.
55. Devitt M. Realism and truth. 2d ed. Oxford: Blackwell, 1991.
56. Dilworth C. Empiricism versus realism: High points in the debate during the past 150 years // *Studies in the History and Philosophy of Science*. 1990. Vol. 21.
57. Earman J. Underdetermination, realism and reason // *Midwest Studies in Philosophy*. 1993. Vol. 18. P. 19—38.
58. Fine A. Unnatural attitudes: Realist and instrumentalist attachments to science // *Mind*. 1986. Vol. 95.
59. Fine A. «The scientific image». Twenty years after // *Philosophical Studies*. 2001. Vol. 106.
60. Hooker C. A realistic theory of science. Albany: State University of New York Press, 1986.
61. Images of science: Essays on realism and empiricism, with a replay from Bas C. van Fraassen / Ed. by P.M. Churchland, C.A. Hooker. Chicago; London: University of Chicago Press, 1985.
62. Kitcher P. The advancement of science. Oxford: Oxford University Press, 1993.
63. Koons R.C. Realism regained: an exact theory of causation, teleology and the mind. New York: Oxford University Press, 2000.
64. Kukla A. Antirealist explanations of the success of science // *Philosophy of Science*. 1996. Vol. 63. Supplement.
65. Kukla A. Studies in scientific realism. Oxford: Oxford University Press, 1998.
66. Laudan L. A confutation of convergent realism // *Philosophy of Science*. 1981. Vol. 48.
67. Laudan L., Leplin J. Empirical equivalence and underdetermination // *Journal of Philosophy*. 1991. Vol. 88.
68. Leplin J. A novel defense of scientific realism. New York: Oxford University Press, 1997.
69. Lipton P. Inference to the best explanation. London: Routledge, 1991.
70. McMullin E. Explanatory success and the truth of theory // *Scientific inquiry in philosophical perspective* / Ed. by N. Rescher. Lanham: University Press of America, 1987.
71. Miller R.W. Fact and method. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987.
72. Morrison M. Reduction and realism // *Proceedings of Philosophy of Science Association* / Ed. by A. Fine, J. Leplin. Vol. 1. E. Lansing, MI: Philosophy of Science Association, 1988.
73. Newton-Smith W. Modest realism // *Proceedings of Philosophy of Science Association* / Ed. by A. Fine, J. Leplin. Vol. 2. E. Lansing, MI: Philosophy of Science Association, 1989.
74. Putnam H. What is realism? // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1976. Vol. 76.
75. Putnam H. Realism with a human face. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
76. Psillos S. Scientific realism and the pessimistic induction // *Philosophy of Science*. 1996. Vol. 63. Supplement.
77. Psillos S. Scientific realism: how sciences tracks truth. London: Routledge, 1999.

78. Rationality and relativism / Ed. by M. Hollis, S. Lukes. 2d ed. Oxford: Blackwell, 1990.
79. Rosen G. What is constructive empiricism? // *Philosophical Studies*. 1994. Vol. 74.
80. Scientific realism / Ed. by J. Leplin. Berkeley: University of California Press, 1984.
81. Smart J.C.C. Philosophy and scientific realism. London: Routledge and Kegan Paul, 1963.
82. Suppe F. The semantic conception of theories and scientific realism. Champaign, IL: University of Illinois Press, 1989.
83. The philosophy of science / Ed. by D. Papineau. Oxford: Oxford University Press, 1996.
84. van Fraassen B.C. The scientific image. Oxford: Clarendon Press, 1980.
85. van Fraassen B.C. Constructive empiricism now // *Philosophical Studies*. 2001. Vol. 106.
86. Анисов А.М. Типы существования // *Вопросы философии*. 2001. № 7.
87. Nelson A. How could facts be socially constructed? // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1994. Vol. 25.
88. Nola R. There are more things in Heaven and Earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy: A dialogue on realism and constructivism // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1995. Vol. 26.
89. Heidegger M. Die Kategorien und Bedeutungslehre des Duns Scotus // Heidegger M. Frühe Schriften. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1972.
90. Патнэм Х. Реализм с человеческим лицом / Пер. с англ. О.А. Назаровой // *Аналитическая философия: Становление и развитие (антология): Пер. с англ., нем. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.*
91. Качанов Ю.Л. Теоретические предпосылки эмпирического исследования социологической теории // *Социологические исследования*. 2000. № 10.
92. Куайн У.В.О. Слово и объект / Пер. с англ. А.З. Черняка и Т.А. Дмитриева. М.: Логос, Практис, 2000.
93. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского // Кант И. Соч. В 8-ми т. Т. 3. М.: Чоро, 1994.
94. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975.
95. Heidegger M. Einleitung zu «Was ist Metaphysik?». Der Rückgang in den Grund der Metaphysik // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 9. Hrsg. von F.-W. von Hermann. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1996.
96. Husserl E. Cartesianische Meditation / Hrsg. von S. Strasser // *Husserliana*. Bd. I. Den Haag: Martinus Nijhoff Verlag, 1963.
97. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? / Пер. с нем. Ц.Г. Арзакьяна / Кант И. Соч. В 8-ми т. Т. 8. М.: Чоро, 1994.
98. Giddens A. Central problems in social theory: action, structure and contradiction in social analysis. Berkeley, CA; Los Angeles: University of California Press, 1979.
99. Аутвейт У. Действие, структура и философия реализма / Пер. с англ. А.Д. Ковалева // *Социо-Логос / Сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова*. М.: Прогресс, 1991.
100. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
101. Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration. Cambridge, UK: Polity Press, 1984.
102. Archer M. Realist social theory: the morphogenetic approach. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 1995.
103. Bhaskar R. Reclaiming reality. London: Verso Books, 1989.
104. Аутвейт У. Реализм и социальная наука / Пер. с англ. А.Ф. Филиппова // *Социо-Логос / Сост, общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова*. М.: Прогресс, 1991.

105. Boyd R. Constructivism, realism and philosophical method // Inference, explanation and other frustrations / Ed. by J. Earman. Berkeley, CA: University of California Press, 1992.
106. Bueno O. What is structural empiricism? Scientific change in an empiricist setting // Erkenntnis. 1999. Bd. 50.
107. Cole St. Making science: between nature and science. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
108. De Regt H. Scientific realism and the false promise of evolutionary epistemology // The promise of evolutionary epistemology / Ed. by T. Derksen. Tilburg: Tilburg University Press, 1998.
109. Niiniluoto I. Realism, relativism, and constructivism // Synthese. 1991. Vol. 89. № 1.
110. Archer M.S. Critical realism: essential readings. London; New York: Routledge, 1998.
111. Bhaskar R. The possibility of naturalism: a philosophical critique of the contemporary human sciences. 3rd ed. London; New York: Routledge, 1998.
112. Brown A., Fleetwood S., Roberts M. Critical realism and Marxism. New York: Routledge, 2001.
113. Creaven S. Marxism and realism: A materialistic application of realism in the social sciences. London: Routledge, 2001.
114. Danermark B. Explaining society: an introduction to critical realism in the social sciences. London; New York: Routledge, 2001.
115. Heidegger M. Der Satz vom Grund // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 10 / Hrsg. P. Jaeger. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1997.
116. Качанов Ю.Л. Социологические различия и социологический текст // Социологические исследования. 2002. № 7.
117. Glaserfeld E. von Radical constructivism: A way of knowing and learning. London: Falmer Press, 1996.
118. Glaserfeld E. von The construction of knowledge: Contribution to conceptual semantics. Seaside, CA: Intersystems, 1987.
119. Maturana H. Was ist erkennen? München: Piper Verlag, 1996.